

Влад Потёмкин

**В ГОСТЯХ
У ИМПЕРАТОРСКОЙ ЧЕТЫ**

Влад Потёмкин

В гостях у императорской четы

«Издательские решения»

Потёмкин В.

В гостях у императорской четы / В. Потёмкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748913-7

Импонирует перерождение королевского повесы. Из малого мирка, затерянного высоко в горах, молодой король попадает в пучину дворцовых интриг римского императорского двора. И ещё неизвестно, что принесёт этот визит... предсказать невозможно, так как всё выходит из-под контроля — даже сам «Поводырь Жизней Людских» сбит с толку его непредсказуемыми выходками, но льющимися от самого сердца. А долгие ожидания ответной любви наконец-то найдут своё воплощение в жизни.

ISBN 978-5-44-748913-7

© Потёмкин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	18
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

В гостях у императорской четы

Влад Потёмкин

© Влад Потёмкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Неуступчивость императора

Завесы плюща, точно стена убегала ввысь, малахитовым пологом удлинняя пространство. Кое – где, свисали, оторвавшиеся от общего монолита зеленой стены кисти, покачивающиеся под набегающими напорами ветра, несущего с моря прохладу. В тени аллеи прогуливались император и визирь, явно не имея общего мнения по одному вопросу: «Визирь настаивал – отказать Локки в гостеприимстве, во избежание наихудших бед».

– Двучичен!.. Изворотлив!.. Хитер и коварен! – Хрисафий мог бы до бесконечности перечислять негативные наклонности гостя.

– Это, не так, – счёл нужным не согласиться император. – В его сознании отсутствует – такие понятия, как – «ДОБРО» и «ЗЛО». «ДОБРО» и «ЗЛО», как действие – целенаправленное.

– А как же быть, тогда с таким понятием, как – нравственность? – стоял на своём визирь.

– В его сознании – есть такое понятия, – спокойно парировал басилевс. – Он высокоморальный, но, задумывая вершить – «добро», Локки может заиграться и «добро», не заметно может перерасти во «зло». Для него это забава. Игра.

– Вы, сейчас говорите, как старец Несторий, а не правитель?

– А правителю не помешало быть, хоть иногда, побывать старцем, – не согласился Флавий Юниор, заострив свое внимание на «хоть иногда».

– Хм, – не найдя, что ответить, промычал Этомма, но, собрался с мыслями.

– ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ВЫ, отобрали у меня спокойствие и сон – сделав из бедняка – «счастливчика в коробке» – «ВИЗИРЯ».

Феодосий предпочел не развивать его горячей реплики, а пожелал смягчить пыл препозита.

– Для, Локки – «хорошо» и «плохо», не синонимы. А все же антонимы.

– Просто, свой необычный ум, он чаще всего направляет на плохие свершения, – не сдавался Хрисафий.

– И на хорошее тоже, – не согласился Феодосий. – Его же не зря изгнали из царства «Тьмы».

– Еще бы не изгнать? – препозит повеселел. – Наорать на самого главу нечистых?? И остаться среди них???

– А я о чем говорю? Вершит, сам не зная, что получится??

– Интересно? А он изначально задумал поставить все выигрыши на своих?? – глаза визиря лукаво улыбались.

– И тем самым пополнить казну!! – восторженно вставил император. – Это же – годовой доход???

– Беспорядки обошлись бы дороже!!! – посчитал не согласиться главный казначей.

В 532 году, через 110 лет, при схожих обстоятельствах – где, болельщики одних противостояли другим и безобидная стычка, переросла в побоище и хлынула за пределы стадиона. Разгулявшаяся человеческая стихия разгромила весь город – сгорела даже Святая София. Шесть лет понадобилось императору, чтобы восстановить город, от которого не осталось камня на камне, а точнее, только камни и остались. Шесть лет незыблемая – крепостная стена Феодосия окружала не существующий город.

В безобидной драке «стенка на стенку» – сошлись разные цвета болельщиков. Синие дубасили красных, остальные цвета примкнули, к противоборствующим группировкам. Руководили же всем этим – богатые сенаторы. Денежным воротилам не нравилась политика импера-

тора, и они решили показать Юстиниану, что они значат в империи. Денежные мешки и раньше хвастались друг перед другом – у кого больше «зверей» – так, они за глаза именовали «агрессивных приверженных делу болельщиков», а теперь появилась возможность посмотреть их в деле. Смотрители «зверей» на прямую выходили на финансирующих беспорядки воротил. Настал момент – «зверям» показать, что они могут, а толстосумам доказать, что они значат... – как кланы могут влиять на политику и самого императора.

– Да! – восторженно вмешался в разговор Локки. Он появился из-за стены плюща в приподнятом настроении.

– Император, – не теряя энтузиазма, обратился он к базилику. – Ваше Величество!! Вы, даже не представляете, какого зрелища лишил, Вас, канцлер??

– Не представляю?? – ответил Флавий, который и в самом деле не представлял, масштабов затеянного «Пройдохой» шоу.

– Да?.. – горестно подумал Барабаш. – В 1993 году у Милошовича не найдётся «Хрисафия». И, Венедо-Далмацкая провинция Византии погрузиться во мрак и развалиться на куски, утопая в крови и хаосе. Контролируемые финансовыми акулами внешними и внутренними, «фаны» взорвут мир и покой. Эти горе-вояки, то и дело, будут всплывать, чтобы крушить, жечь и уничтожить. Что угодно!.. Где угодно!.. И кого угодно! Вооружившись битами, арматурой и коктейлями «молотова» они везде – готовы оставить свой неизгладимый след и не важно – где?.. На стадионе?.. Или Доме Профсоюзов?.. Везде, где укажут хозяева!.. – Локки посмотрел на все эти страшные, ужасающие зрелища и ему – видевишему виды – стало не по себе, видя, как Дьявол двигал пешки, уже не скрывая своих темных мыслей.

– Да, – сочувственно произнёс «Пройдохой». – Зрелище могло быть – не из лёгких?!!

– Что, я тебе говорил? – как бы продолжал нить прерванной беседы, отпарировал император внучу.

Визирь, лишь пожал плечами. Человек он был терпеливый, честный и высоконравственный. На первый взгляд, такая супер порядочность показалось бы не естественной, но в его случае вполне объяснимой. Самое главное качество визиря была влюбчивость и преданность. Локки прекрасно понимал, какие испытания ждут Евдокию в замужестве и, осознавал, что ей будет не хватать должного внимания со стороны мужа-императора. Визирь же должен был дополнить – то, не достигающее внимание, без всякой ревности и недоверия со стороны супруга. Прекрасное видение Локки не подвело – всю свою жизнь Хрисафий будет следовать за ней, до последних дней своей жизни.

Ведь, все же хорошо, – император решил успокоить визиря, видя как тот негодует.

Этомма недовольно сжал губы, что плохо сочеталось с улыбочивым лицом казначея. При чем это недовольство настолько явно запечатлелось на внешности препозита, что не заметить эту гримасу было просто не возможно.

– Ты, изначально задумал этот план с шестерками? – спросил визирь полушепотом, но резкие нотки проскальзывали в его обычно умиротворённом голосе.

– Что, ВЫ?.. Что, ВЫ?? – Локки выразил мнимое удивление, задрал брови на лоб.

– Вы считаете, я слепой??

– Ни как нет, – но брови поползли еще выше. – И зачем мне это?

– Вы, черти народ ловкий?!! А мы потом расхлебывай, – визирь смерил нежеланного гостя негодующим взглядом.

– Что, вы, все делите? – император попытался их успокоить.

– Ничего!! Ровным счетом ни чего! Мне просто интересно – зачем, он все – это затеял??? – но, не слыша ответа Хрисафий повторил. – Зачем???

– Скучно, – по-детски признался «Пройдохой».

– Ах!! Ему, видите ли, скучно?.. А последствия?? – вопрос визиря, так и завис в воздухе.

– До чего же, ты, нудный Хиря, – Локки отвернулся от распорядителя царских щедрот.

– Локки! Ты, состоишь из одних достоинств, – похвалил его базилевс, боясь, что старый приятель может обидеться.

– Что, вы?! – возразил «Пройдоха». – Это вам, только кажется!

– Вашу шаловливость нельзя считать недостатком. Это ребячество, которое, вы, пронесли из детства... – император исходил от избытка эмоций и не мог подобрать подходящих слов.

– Лучше бы он там её и оставил... – бубня под нос, вставил визирь, явно не одобряя такое снисхождение Феодосия в адрес гостя. – А вместе с ней, остался бы там – и сам!!

– Базилевс! Вы, тоже самые восхваления можете сказать и в отношении «Хранителя опочивальни», – призвал гость, показывая на обиженного визиря.

Хрисафий Этомма и Локки Барабаш – эти двое были, пожалуй единственными в империи, которые лишены корысти и искренне преданы делу. Первый в силу того, что он один, как перст на белом свете и предан делу, которое для него превыше всего. Даже его тайная любовь к императрице – это тоже его дело, чтобы не омрачать прелестный лик императрицы. Второй – да ему просто нечего было терять и нечего бояться. Он жил, как перекасти поле – мог в любую минуту упорхнуть, не опасаясь ни о чём. Страх лишает свободы, не дает возможности парить. Страх, которого у этих двоих не было, это давало им возможность творить и парить.

Хрисафия растрогало внимание Локки, но он предпочел не показывать этого, а раскланявшись, лишь с императором, сотворил обиженное лицо и скрылся за навесом плюща.

– От твоих поступков – рождается вера – во все лучшее, что есть на земле, – благодарственно сообщил базилевс, когда они остались вдвоём.

Но «Пройдоха» решил остановить его похвальную речь.

– Посмотрите на него, – Локки указал на спящего конунга. – Удивительное, доброе, человеческое лицо! Но, как проснется?? Просто не горюй!!!

– У римлян есть такое правило: «Если твой друг не умеет пить, не наливай ему, а то потеряешь друга!»

– Хорошее изречение! – согласился Локки. – Только это не про него!

Глава 2

Всем велено отдыхать

В преддверии бала публика собралась в зале разношёрстная. Все выстроились, вдоль ковровой дорожки – с двух сторон, в несколько рядов – в ожидании выхода августейших особ.

У большинства собравшихся людей вид был самодостаточный, торжественный и, несомненно, радостный. Бал в первую очередь, являлся местом, где можно показать свету свою респектабельность, для женщин же покрасоваться своими нарядами. Некоторые из мужчин, не уступая слабому полу, тоже щеголяли друг, перед другом, блистая и свидетельствуя свету свой достаток и туалеты. Пышные манжеты и жабо придавали физиономиям торжественный вид. Золотые цепи и позолоченные пуговицы подчеркивали одеяние церковных лиц. Все старались себя выказать и представить, лишь богатые евреи со сверкающими орлиными взорами и смиренной печатью на лице старались не выпячиваться. Нет!.. Они не косили под попрошайек! Они просто не афишировались, а разместившись кучкой, в ожидании открытия бала теребили свои длинные волосы, а один из них в глубокой, даже чрезмерной задумчивости покусывал свой пейс.

Гости состояли в основном из местной знати и к ней «примазавшихся».

– Вот такая элита?! – подумал Локки, глядя на собравшихся участников бала.

Большинство сенаторов вопросов к себе не вызывало, а вот вторые?! Они возомнившие себя, не зная кем – за счет неслыханно, свалившихся богатств, выставляли себя на показ, кичась своим достатком. Источник состояния, которых ломал голову первым. Сенаторы пытались их «у щучить» и «прищучить», но, растущие достояния «вторых» прибывали и прибывали, не смотря на принимаемые в Сенате повышенные ставки налогов. Капиталы новоиспечённых толстосумов росли, а казна не так, чтобы уж и преумножались. Бюджета не хватало, и дефицит его рос катастрофически. Но, не смотря на это, первые не теряли надежды обуздать взорвавшихся богатеев.

Локки и Хальв стояли среди всеобщей толпы. Конунг, разбуженный раньше времени и, еще не проспавшийся, хмурил брови, глаза его неприкаянно прыгали с одного предмета на другой, не имея ни какой мысли – даже, хотя бы, хоть какой—то – маломальской...

Морщинистая, размалеванная и увешанная драгоценностями молодящаяся старуха в богатой одежде с красными, воспаленными глазами и жуткой, бледной кожей на шее и за ушами, жеманясь, что-то объясняла Хальву, имея к нему явный интерес. Лицо ее было умазано румянами и пудрой и от того казалось чрезмерно загорелым.

– Господа!!! – призвал зычный голос препозита, акустика зала была спроектирована таким образом, что слово произнесённое не могло не остаться не услышанным.

Разом, тысячи пытливых взоров, обратили свое внимание на балкон и, затаив дыхание стали ждать. Все замерли и, лишь по еле заметному шевелению, было видно, что это не монументы, а изваяния живые. На балкон, один за другим, по мере представления, должны были выйти: император Феодосий и императрица Евдокия, гостья августа Галла Плацидия и дети.

Вот уже два года, овдовевшая Галла Плацидия, мирно жила при дворе в Риме, не вмешиваясь в дела государства, но по старой дружбе к ней заявили представители вестготов, и втянули ее в авантюру – по отстранению брата от власти. Гонорий, узнав об этом – негодовал, но, сдержал свою эксцентричность – он продолжал любить ее.

– Надо, что—то делать? – рассудил западный император. Он опасался своего гнева. – Может выслать её подальше от двора?.. Боюсь, иначе не избежать беды?!!

Галла понимала свою уязвимость и вину и предпочитала молчать.

– Я лишаю вас титула августы, – коротко заявил брат и выполняя просьбу племянника – императора Феодосия добавил. – И высылаю в Константинополь!

Сестра спокойно восприняла сказанное.

– Надеюсь, при византийском дворе – вы, не будите, так ретива до трона?

Плацидия продолжала хранить молчание, ожидая, лишь – чтобы, как можно скорее закончилась её аудиенция.

Воспитание детей Галла Плацидия сводила к простому – «ни в чем ни отказывать», поэтому они – сейчас – вместо того, чтобы спать, стояли здесь и, по причине затянувшегося открытия бала, зевали, потирая слипающиеся глаза, но больше всех – это сказывалось на годовалой Лицинии, которую императрица Евдокия держала в строгом соблюдении режима, в отличие от детей Плацидии – четырёхлетнего Валентиниана Плацида и шестилетней Грата Юсты Гонории. Лициния стояла, насупившись и, если бы не заигрывание матери она бы уже непременно расплакалась. Императрица держала её за руку и пальцем свободной руки подёргивала, ей кончик носа, чтобы, хоть как то взбодрить и отвлечь её. Она уже жалела, что решила составить компанию детям гостям, чтобы это не выглядело слишком нелепо.

– Император и императрица, – еще более зычно, чем ранее известил препозит и отойдя в сторону, как того требовал этикет уступил им путь.

Феодосий и Евдокия ступили на балкон, с полуоткрытых ртов вырвался невольный и восторженный «Ах!», ликующая лавина слилась в единый возглас и покатила по залу.

Император и императрица взирали с высоты балкона, на колышущиеся море голов, тысячи глаз, которые устремили свои взоры на них.

Галла Плацидия была встречена воодушевленно, но не так энергично, как первые лица, зато детей приветствовали на «УРА» – под не смолкающие возгласы и крики восторга. Как только, ликование стало спадать, императорская чета стала спускаться по лестнице. И тут же, новый порыв эмоций захлестнул зал, всеобщий восторг и ликование побежало по рядам, вызывая у собравшихся живейший интерес.

Весь спуск по лестнице сопровождался восторженными, жгучими взорами и продолжительными овациями, «аханьями и оханьями», но лишь стоило им ступить на ковровую дорожку, как головы разом склонились в почтительном поклоне и далее царственные особы следовали по лабиринту склоненных лиц и почтительной тишины.

Валентиниан Плацид следовал за матерью, а замыкало шествие – Юста Грата вела за руку маленькую Лицинию. Строй низко наклонившихся голов придворных и гостей продолжал провожать их взглядом.

Тосты звучали один за другим:

– За императора!!

– За императорскую семью!!!

– За процветающую Византию!!!

Правило римских пиров: «Либо пей! Либо уходи!!»

Чтобы выглядеть пристойно присутствующие разбавляли вино водой. Всеобщая веселость не была маской. Гости, кроме, того как – пощеголять и представить себя в респектабельном виде – пришли еще, и праздновать... и отдыхать – это и было залогом энтузиазма – их не надо было веселить.

Большинство собравшихся знали толк в винах, картинах, архитектуре, драгоценностях и еде, поэтому императорские балы представляли собой – не сборище дилетантов, а представляли, вполне просвещенную и эрудированную компанию людей, знающих толк в искусстве но, даже отдыхая, они не забывали о своем благосостоянии.

Хальв вина водой не разбавлял, и предпочитал пить до дна, а вместо закуски занюхивал рукавом – в лучшем случае, чем-нибудь – солёненьким.

– Есть?? Зачем есть?.. – рассуждал конунг, – поесть я и дома могу, а вот такого вкусного вина – я уже вряд ли попью??

Бутылки, перед его глазами, ходили взад и вперёд, окорока летали, а мысли плясали.

Хальв вновь подошел к столу – за очередной добавкой.

– Подать чарку?.. – спросил виночерпий.

– Не против...

– Налить? – предложил тот же голос.

– А как же?!!

– Разбавить?

– Не надо!.. – отрезал конунг. – Спасибо приятель!.. – и он, тут же – одним махом, выпил.

Зная, что емкость пьющего, по римским законам не должна пустовать, тот же голос предложил:

– Добавить?

– Ага...

– Вам может быть с верхом?

– Может... – Хальв выпив, через какое то время, начинал пьянеть и погружаться в сон.

Конунг на протяжении всего праздника жил по курсу – быстро захмелев, он начинал медленно говорить и после небольшой добавки – отключался и мирно спал. Проснувшись, он не понимал: «Где он?..» Но сообразив, подзывал к себе, пробегающего мимо раба с подносом. Осушив несколько кубков, он начинал вновь пьянеть... что-то лепетать и уходил в очередную отключку.

Локки, увидев захмелевшего Хальва, решил к нему подойти.

– Заливаешь?..

– А то... – не внятно ответил Ирвинг.

– Уже опять, мямлишь? Не успел проснуться и уже готов??

Конунг отчетливо слышал вопрос и даже понимал его суть, но он, тут же, забыл его. Он осознавал, что его речь вышла из повиновения – это расстраивало его, однако он тотчас забыл и об этом и, обреченно склонив голову, уткнулся в свое предплечье и заснул.

Двое господ, не обращая ни какого внимания на странных приятелей, сыпали друг другу пошлые шуточки и анекдоты.

– А знаешь, какая разница между бутылочкой и милочкой?

– Догадываясь, но – всё же?

– Лишь в том, что одну затыкают пробочкой, а другую живчиком... – они весело захохотали, закусывая свои остроты куропаткой.

– А я смотрю, ты, всё также остаёшься верен излюбленному направлению в своей жизни – «по глубже завинтить живчика?»

Они опять дружно и весело засмеялись.

К ним, поздоровавшись, подошел человек в военном облиии.

– Аспар! – обратился к нему знаток пробочек, он держал в руке – теперь уже рябчика и вертел бедром пернатого направо и налево полный восторга. Бедро маленького рябчика больше походило на птенчика.

– Да, Апполоний, – согласился с его очередной шуткой Аспар, при этом широко улыбался.

– Удивительная вещь, – продолжал Апполоний Луций, махая бедром крылатого. – Птичка то – всего ничего, а вкусная!!! Максимильтян, так звали, второго знатока и любителя анекдотов поддержал приятеля. И они теперь втроем – не сговариваясь, дружно захохотали.

Луций был настолько любезен и обходителен, что отказать ему в чём-то было просто не возможно. Поэтому, он считал лишним – держать дома стол, а предпочитал ходить по гостям и кормиться на стороне. Да, он и сам – очень любил ходить по гостям, и ни какие засовы

не могли устоять, когда он включал свое красноречие – в народе его звали – «ВЗЛОМЩИК». Покидая хлебосольных хозяев, он хорошо подпитый и досыта наевшийся, чихвостил почём зря радушных господ. Величая их, тиранами и поработителями его свободы, не дающие ему возможности – держать свой стол и слёзно просил и даже умолял их – не поступать с ним – так больше ни когда и не затаскивать, его к себе насильственно в гости!

– Максимильян, а ты – все также, предпочитаешь обедать в половину, – спросил Аполлоний, как бы, между прочим. Максимильян, зная – его страсть к гостям ответил:

– Сейчас, столько работы, что я вообще не обедаю, а так – перекусываю, что-нибудь на ходу, не выходя из канцелярии.

Максимильян был начальником канцелярии военного ведомства. Аспар, до персидской войны был в его подчинении. На войне он и его сын – Ардавур взлетели – доросли до командующих армиями. И даже оба – один, меняя другого – успели побывать командующими фронтом. Теперь же они, как и он, подчинялись военному министру, что позволяло им – держатся на равных, хотя они знакомы были и раньше и даже дружили и продолжали дружить.

Аспар был из роксоланов. Но его род, спасаясь от гуннов, решил не идти на запад вместе со всеми аланами, а попросил убежище в Византии, поступив на службу в императорскую армию.

Отец Аспара – Ардавур Старший предложил аланским князьям объединиться против гуннов.

– Давайте, – сказал он, – отбросим наши ссоры и вражду на границе, а как разобьем гуннов, подыдем их вновь, если захотим. Иначе погибнет «Царство Аланское», что никогда мы себе не простим.

Князья дружно кивали головами, аланские роды породнились с германскими племенами: кто с вандалами, кто с гепедами, кто с остготами. Ардавуры породнились с ветвью дубелов и хорватов, став роксаланами. Князья разъехались, чтобы собраться, лишь, самые сильные – готоаланы не увидели в приближении гуннов опасности и не видели необходимости в союзе. Но, они – первыми ощутили на себе приближающуюся мощь гуннов.

– Гуннов мы сами разобьем, – хвалясь, заявили готоаланы. Они были самые восточные и самые сильные в Аланском Царстве.

Гунны – тогда, еще были за Волгой. Но, стоило им переправиться на правый берег, как они тут же вступили в бой и без труда разгромили восточных аланов. То с какой легкостью – гунны одолели их, вызвало панику среди них и побудило обратиться к остальным соплеменникам – на образовании военного союза, когда-то предложенного Ардавуром Старшим. Роксоаланы ответили согласием. Но, дунайско-прутские аланы с вандалами предпочли уйти на запад. Паника в их рядах была настолько велика, что им пришлось бежать далеко-далеко и даже переправиться через Гибралтар и осесть где-то на бескрайних просторах африканского Карфагена и там затеряться на века, уйдя с лица Земли – как народ.

Тогда Ардавур решил последовать их примеру, но он обратился к Византии. Империя дала согласие – так роксоаланы стали союзниками римлян.

До конца своих дней Азнавур неустанно твердил:

– Мы погибли бы, если не Византия!.. – видя в этом и свою, не малую заслугу. Но, в глазах готоаланов, он стал изменником и постоянно слышал в свой адрес оскорбления и прочие неллицеприятные вещи.

Аспар был переводчиком на переговорах Максимильяном с отцом, поэтому они подолгу общались между собой.

На вопрос римлянина – сколько воинов в его подчинении? Ардавур принялся с присущей ему восточной горячностью уверять:

– Я приведу тебе – столько петухов, готовых драться на смерть, что их будет – не счесть!.. – распылялся в обещании роксалан.

– Мне бы лучше таких, которые будут, биться по победы! – остудил его пыл Максимилиан.

Годами позже, аланы, попавшие под власть гуннов, перешли Дунай и потерпели поражение от римлян под руководством Ардавур. Переплывшие состояли в основном из аланов и горстки гуннов. Это был, в большей мере, разведывательный авангард, чем нашествие. Но, гунны сделали правильный и глубоко идущий вывод – «Римская Империя сильна» – гораздо, безопаснее и полезнее и дальше, безнаказанно завоевывать соседних германцев, да алан, набирая силу и мощь, для будущего – а в будущем, нас время рассудит.

В стычке с аланогуннами Ардавур потерял глаз и ещё не забыл – про те, старые оскорбления, которые соплеменники рассыпали в его адрес.

– Отдай мне пленных, – попросил командующий армией Ардавур Максимилиана. Аспар отговаривал отца от расправы над соплеменниками, но командующий армией был непоколебим, в своём решении. Начальник канцелярии передал его просьбу Хрисафию. Препозит прекрасно понимал: «Ничего хорошего пленников не ждёт, под «покровительством» вчерашнего перебежчика.

– Как, я могу – ему доверять чужих, если он в своё предал своих? – ответил визирь начальнику канцелярии.

– Каков же будет ответ? – уточнил Максимилиан, на витиеватое сплетение речи министра.

– Ответ обязателен??? – вопросом на вопрос спросил препозит.

Все последующие годы Ардавур носил повязку. Подчиненные, зная об этом – писали ему донесения крупными буквами. Когда его – это достало, он собрал всех, кто слал ему такие депеши, в штаб и, разбирая почту, открыл первый попавшийся конверт и при всех изрёк:

– О?! Да такое, даже, слепой прочесть сможет?!!

В их поле зрения попал Хрисафий. Они все – единогласно – недолюбливали его, но делали вид, что ценят за деловитость.

– Визирь всем хорош, – зондируя почву, произнес Аспар, – но его желание, вечно угодить, превращает военного министра в щенка – из породистой и статной собаки.

Аспар, кроме всех прочих передраг, имел на препозита зуб и за сына – Ардавур Младшего. Сыну, записываясь в армию, потребовал себе достойное жалование и чин центуриона – офицера. Хрисафий, не желая раскидываться деньгами и должностями, ответил ему: «Я не раздаю звания за заслуги дедов и отцов».

– Что?.. – вскипел просящий воин.

Неприязнь Ардавур – в первую очередь, была основана на пренебрежении к визирю, как к мужчине кастрированному. За это его недолюбливали при дворе, не говоря уже об армии.

– Да!.. Да!.. Я не раздаю жалование за отцовские храбрости! А своей доблести, вы, еще не показали.

Ардавур не успокаивался, но препозит осадил его.

– Послушайте юноша!!! Того, кого – юношей слушали, не только старики, но приходили – за советом, даже министры...

– Уж, не предлагаете ли, вы, мне – учиться у вас чему-то? – с вызовом прервал его молодой алан.

– Ученикам желательно находиться и учиться среди тех – кого бы они хотели видеть своими родителями, – спокойно ответил ему министр и позвонил в колокольчик. Давая понять, что аудиенция окончена.

Этот не удачный визит – за центурион званием, добавил к имеющейся глыбе неприятностей, дополнительный ком негатива, но Хрисафий был настолько Велик, что не считал нужным, даже щелкнуть по носу зарвавшихся особ – они всё-таки были – не плохие воины.

Глядя на начинающего полнеть препозита Аспар добавил: «Я думаю у него храп громче боевой трубы!»

Максимильян кивал головой, подтверждая направление мысли командующего.

– Беда Хрисафия в том, что он строит военную тактику, ни разу не слыша клич боевой трубы, – продолжал Аспар.

– Его речь и в самом деле иногда похожа на гавканье, – сохраняя осторожность, добавил Максимильян, – если бы не его обаятельность, он был бы просто отвратителен.

– А мне нет ни какого дела, до его обаятельности, – весело поддержал беседу знаток по живчикам – Луций, – я вчера купил трех молодых вестготов.

Компания дружно засмеялась.

– А на счет вестготов, вы, наверное – поторопились? – со знанием дела заявил начальник военной канцелярии. – В Сенате обсуждался вопрос о бедственном положении вестготов, поэтому цены, на рабов будут – только падать. Как бы вам не пришлось пожалеть впоследствии об этом?

– Нет!! – радостно вскрикнул обладатель наложниц. – Я ни сколько не жалею! Я только рад!! Неслыханно рад!!!

– Вестготки и дальше будут только дешеветь, – уверенно добавил Максимельян, – весть для вас может быть не радужная, только – это, скорее всего, уже сложившийся факт.

– Ну, знаете?? Не радужная?!! Еще, какая радужная!! За даром, то я их – уж, точно не отдам, – заявил счастливый покупатель, который и в самом деле парил очарованный приобретением.

Хрисафий, как и подобает евнухам, ходил, не зазнаваясь. Но – с гордой осанкой, потупи взор, однако – при этом – всё видя. Он прошел мимо, ни сказав, ни слова.

Сенатор Дамиан Норбан намеревался подать новое прошение на имя министра, поэтому хотел прежде переговорить с ним тет-на-тет. Он, в сопровождении своих трёх не красивых дочерей, проследовал почти, что сразу за Хрисафием. Проходя, мимо мило болтающей компании, он, «задрал» нос, считая их не ровней себе.

– Должно быть сослепу, – рассудили они, видя – как он не ответил на их приветствия. Все знали, что у него плохое зрение.

– Но, то, что дочери не поздоровались – удивило их больше всего.

– Ладно, старик незрячий? – сделал свой вывод Максимильян. – Но! Дочери??

– Они должно быть не только не красивы, но и не вежливы?!! – поддержал друга Аспар.

– А детей, по всей видимости, Дамиан делал без амура, – «Взломщик» считал, что лишь – по любви рождаются красивые дети.

Норбан спал и видел себя адвокатом, хотя к этому ремеслу не имел – ни способностей, ни знаний. Максимильян, как то призвал его в свидетели по одному делу.

– Ничего не знаю, – тут же заявил сенатор начальнику канцелярии.

– Я ведь, вас, не по римскому праву ответ держать прошу?!! – успокоил его Максимильян. – А всего, лишь – в свидетели.

У них у всех был один учитель речи. Когда ритор умер, Дамиан Норбан первым водрузил на его могиле памятник в виде ворона. Все прощающиеся с усопшим недоумевали – к чему это?... А Максимильян сделал вывод:

– Вот почему Дамиан в своих речах порхает, а не говорит?

– Скорее всего, от этого?... – поддержал его мысль Аспар и они, пожелав покойному – «Земли пухом и царствия небесного» покинули место поминок.

Клиентов у адвоката Дамиана не было – все предпочитали быть на свободе и выбирали себе защитников потолковее. Невзирая на чисто символическую плату за свои услуги клиентов у него не прибавлялось.

Как-то, ему удалось уговорить одного потерпевшего, ведущего тяжбу, скорее всего даже не за своё наследство, а за свою жизнь.

Потерпевший жил уединённо в сельской местности и не узнал о смерти отца и свалившемся на него наследстве. Разыскали его высоко в горах, стражи порядка, ему вменялось: «Убийство отца и подделка завещания на родовую собственность». Несмотря на свою родовитость и богатство, он предпочитал жить за городом, и был совершенно не компетентен в вопросах права. Будучи убежденным в своей не виновности, он считал лишним иметь защитника, но по юридическим канонам адвокат обязан был быть на процессе, ради соблюдения основ юриспруденции. Поэтому уговорить потерпевшего для Дамиана не представлялось большого труда.

Адвокат взялся за ознакомление с материалами, но чем ближе подходила дата процесса, тем меньше и меньше уверенности и ясности было в его голове – адвокатская мысль защитника витала где-то, но только не в его сознании. Но, хуже всего – паники всё больше и больше наполняла его, лишая мысли. Оставался один день, а речь его – так и не была готова и самое страшное – он даже не знал, как к ней подступиться? Его спас раб. Он вошёл и заявил – передавая слова посыльного от «Палаты Правосудия»: «Заседание переносится на следующий день» Норбан так обрадовался, что дал рабу вольную, но на следующий день с треском провалил процесс и отозвал вольную обратно. А судья сжалился над подсудимым и посоветовал сменить защитника – отправляя дело на следственную доработку.

Лишившись последних надежд на адвокатское поприще, и видя, как тает его наследство – он решил записаться в армию. Но Максимилиан даже не стал рассматривать его прошение.

– Да кто, ты, такой?? – орал разгневанный адвокат на начальника канцелярии. – Кто твой отец?? Что, ты, вздумал мне давать советы??

– Благодаря твоей матери, тебе на такой вопрос ответить труднее, – не моргнув глазом ответил Максимилиан. Мать Дамиана была распутницей.

Но он не успокоился и направил прошение в комиссию. Комиссия состояла из трёх человек: визирь, начальник канцелярии и еще один из патрициев.

– Дамиан Норбан, на что, вы, жалуетесь? – спросил препозит, глядя на расплывшееся, ожиревшее тело рвущегося на войну просителя.

– Я хочу, чтобы меня записали в армию, – заявил он.

– Спасибо за ваше желание быть полезным Империи, но на данный момент государство в вашей доблести не нуждается, но будет иметь вас в виду!.. – Хрисафий подумал, как бы этого героя не хватанул в походе сердечный удар на первом же марше.

– Это как не нуждается, – вознегодовал проситель. Под невнятную речь, состоящую сплошь из слов гнева и брызгания слюны, он лепетал, что-то, и, задыхаясь от взятого напора, точно астматик, широко раскрыв рот, призывал понять о предстоящей неминуемой беде. При этом, он нервно переминался с ноги на ногу, и при каждом его движении тело его, колыхалось и переваливалось.

– Ведь грядёт же война с Персией? – не унимался Норбан.

Фраза: «Ведь грядёт же война с Персией?», стала самой ключевой в его монологе и повторялась им почти, что через каждое слово. Известие Норбана о предстоящей войне не были для военного ведомства новостью, войска скрытыми маршами уже более месяца перемещались к восточным границам империи.

– Вы, не волнуйтесь!.. Дипломаты решат этот вопрос!.. – остановил его председатель комиссии.

– Я хочу служить!.. – не унимался просящий.

– Но где же нам взять столько амуниции, чтобы снарядить вас в поход, – Хрисафий задал этот далеко не праздный вопрос, чтобы успокоить тугу соображающего адвоката.

– Что, вы, имеете в виду?..

– А то и имею, что надо три, четыре щита, только на то – чтобы закрыть ваше брюхо???

Дамиан расстроенный покидал комиссию – это была его последняя надежда на то, чтобы получить приданое дочерям.

– Он создаёт о себе впечатление, что он парит, а не идёт? – заявил Максимилиан, глядя на Дамиана Норбана.

– Он думает, что перья, прилипшие к его заднице, делают его орлом? – добавил Аспар, поддакивая давнему другу.

– Что, Дамиан?.. Тяжела доля – дочек его, – сделал свой вывод «Взломщик». С такими-то лицами, да ещё и без приданого???

К месту их компании подошел Ардавур, он поздоровался с начальником канцелярии. Аспар и Апполоний отошли к столам – за добавкой.

– Как победная баталия над персами? – спросил Максимилиан Ардавура. Спросил, более, как любезность, потому, что он был на передовой – с инспекцией и многое видел – своими глазами.

– Да!.. Так!.. – ответил командующий, улыбаясь, обнажая белоснежные широкие зубы.

– Ничего познавательного персы не оставили в твоей памяти?

– Оставили!

– И что запомнилось, больше всего?

Во время одного сражения, Ардавур получил очередное повышение – стал командующим – его командира убили и ему, пришлось возглавить армию. В сражении римляне взяли верх и Ардавур – по причине двойной радости – победы и очередного повышения – отпустил всех пленных, не взяв с них выкупа, тогда персы стали требовать свои одежды и одеяла. На, что новоиспеченный командующий армии сказал своему подчиненному:

– У меня возникает ощущение, что они думают – будто проиграли нам партию в кости?

– Это в них говорит власть наживы, – ответил ему помощник. – Но, слух – о твоей добродетели разнесётся по стану врагом и они не будут, так ожесточёнными в сражениях, как прежде.

Во всех последующих сражениях, Ардавур отпускал пленных, не удерживая у них курток и одеял – хотя, он – ни когда не забывал – о своей наживе. Хрисафий, даже намеревался провести расследование по взяткам, но – достаточного количества доказательств не набралось, и препозит оставил это дело – до будущих времён.

– А, еще, какие случаи доводилось видеть в Персии? – спросил начальник канцелярии.

– Забавный случай был у моего отца – ему перебили ключицу. Наши врачи были далеко от авангарда – тогда я бросил клич среди пленных – «Есть ли среди них врачи?» – вызвался один и, наложив шину, стал клянчить – для себя вознаграждение.

– Бери все! – радостно заявил отец. – Моя ключица – ключ в твоих руках!

– Вы, я смотрю – сделали вывод, что персы в массе своей – народ – жадный и коварный.

– Нет!.. Совсем не так! Они в своем гостеприимстве покоряли на столько – что мне приходилось их просить: «Быть скромнее и уменьшить свои щедрости, чтобы не приуменьшать наших побед».

– Там все живут – так богато??

– Нет!.. Совершенно нет! – не согласился алан, думая, что его слова могут, интерпретированы, так прямолинейно. – Мы, как то, зашли в один дом – напиться воды, но нас стали приглашать на ужин, чтобы не обидеть – мы остались, но когда хозяин увидел, сколько нас – то пришел в ужас – боясь, что еды не хватит на всех. Тогда я велел пустить среди подчиненных молву, чтобы не набивали чересчур животы – так, как их ждет шикарный ужин с пирогами и прочими изысками, поэтому все из-за стола выходили, почти, что голодными, а еды перса – хватило на всех – что и позволило не обескуражить хлебосольного хозяина.

– Это, не тот ли пир, что ты закатил – нарушив указания отца – на запрет торжеств и праздников?

– Да – тот самый! – улыбаясь, согласился Ардавур.

Аспаром был в веден запрет, на какие либо гульбища на время военных действий. Чтобы избежать – нарушение указания, но соблюсти лицо – выполнив обещание, данное на ужине у перса – Ардавур выставил огромный пирог: «Назвав его городом».

– Это город, – заявил командующий армией, указывая на огромный пирог и прочие приготовленные угощения и яства, расставленные на столах. – Захватывайте его!

Когда отец узнал об этом то – наказал сына.

– За что? – удивился Ардавур Младший.

– За то, что, ты, взял город – раньше меня!..

Наушники постоянно доносили в штаб обо всём до мельчайших подробностей – поэтому Максимилиан был в курсе всех сообщений – они все проходили через его сито. Начальник канцелярии старался почаще запускать своим дуршлаг, отсеивая те – не благожелательные макароны, которые могли навредить его другу – Аспару. А донесения были – донельзя смешные и порою – очень даже забавные. Одно, даже рассмешило Максимилиана:

Армия входила в город – христиане вышли поприветствовать победителей. Среди горожан Ардавур заметил вдову в черном одеянии и трёх её красивых дочерей стоящих – рядом с ней и решил к ним встать на постой. Отец, узнав об этом, велел квартирмейстеру переселить его.

– Зачем? – возмутился сын.

– Там очень тесно, – успокоил его отец, делая вид, истинной заботы, о нём. Или такой случай – Ардавур не терпелось вступить в бой:

– Отец! Когда мы снимаемся с лагеря?

– Ты, волнуешься, что не услышишь призыв трубы? – остудил его пыл командующий. Аспар – вполне допускал, что при штабе могли быть вражеские информаторы, а Ардавур, в свою очередь – получив такой щелчок, больше – никогда не торопил отца.

Максимилиан ужасался – сколько же – в армии лишних людей, переводящих по напрасно бумагу, чернила и гоняющие гонцов-курьеров туда—сюда, развозя всякий бред и клеветы, больше годящиеся в сборники для анекдотов, нежели в архивы военного департамента.

– Какая красота? – обомлел Ардавур, увидев Галлу.

Плацидия, сменив пурпурное одеяние на одежду попроще, следовала по залу пересекая его поперёк. Она не хотела выпячиваться, поэтому под предлогом – уложить детей спать, решила переодеться.

– Кто это? – не успокаивался новоиспечённый командующий.

– Да, кто её знает?! Мало ли здесь – кто ходит?! – попытался урезонить его Максимилиан.

– Хороша!!! – сделал свой вывод Аспар – они с Луцеем вернулись с полными тарелками мяса.

– Но, в возрасте? – добавил обладатель молодых вестготов.

– У прекрасного и осень прекрасна!!! – счел нужным не согласиться с ним начальник канцелярии.

– Я сказал в возрасте, – заострил своё внимание Аполлоний, – но, до полной осени, ещё – ой, как далеко?!!

Глава 3

Бал продолжается

Множество одиночных светильников и не меньшее количество канделябров освещали каждый из залов. На столах стояли подносы с разными вкусностями. Фрукты в вазах и в колыхающихся желе, миндальное печенье и какие-то лакомства из орехов, меда и изюма, разного рода пирожных, в зависимости от вида орехов и начинки. Мясо разных пород и не меньшее количество птицы разных наименований и видов приготовления. Неимоверное количество соусов и приправ стояло отдельно – на соседнем столе.

Людям далеким от этого и не посвященным показалось бы, что они – должно быть – спят и видят все это – во сне.

Торжественность праздничного угощения рождала неописуемый восторг и подымала желание поесть, даже у людей напрочь лишенных аппетита. Убранство столов с выставленными угощениями очаровывало, не только своим изобилием, но и красотой. Но через некоторое время, под шум и оживление, не осталось и следа – от бывлой красивой симметрии сервировки столов. Блюда кочевали с места на место и по мере опустения исчезали в ловких руках рабов и с помощью этих же рук столы вновь обретали прежнюю гармонию и привлекательность.

Господа тучного вида, наложив не малое количество мяса себе в тарелки, тут же давили поверх мяса сок из половинок лимона. Желтые круги цитруса в их мощных кулачищах превращались в дряблую ненужную ветошь, которая сразу бросалась на стол и если бы не приткие действия рабов, неуловимо, откуда то появляющихся, точно привидения – стол давно бы уже – превратился в помойку.

– За мясом надо идти в сад, – со знанием дела сообщил Аспар, собравшимся. К их компании подтянулось несколько сенаторов.

В саду под высокими деревьями на вертеле обычно жарили на выбор: кабана, лося или косулю, но большим изыском последнее время стало считаться жареное мясо диких лошадей – тарпанов, завозимых со степей Тавриды. Аспар с одной стороны, как алан, другой стороны, как рокс, нахваливал последний изыск, своей вчерашней родины.

Если дело доходило до вкусной еды, то чинность и благовоспитанность господ мигом исчезала, и они становились похожими на отъявленных дикарей. Разговор во время еды не прерывался, но все больше и больше походил на гомон. Должно быть степенность общения, как и чинность, подпадала под аромат еды и теряла свою значимость, потому, что сытый желудок угоняет все здравые думы и напускает лень, по всей видимости, не только на действия, но и на мысли. Время от времени они салфеткой вытирали губы – в эти моменты к ним возвращалась степенность, и они серьезно обмолвившись, на какую-то очень важную тему принимали солидный вид, но подкусив, какой-нибудь очередной вкуснятины, опять превращались в варваров.

К их кучке вернулся – Ардавур с молодым человеком.

– Какая вкусная еда? – восторженно заявил он, поздоровавшись с добавившимися сенаторами.

– А какое вкусное вино?! – поддержал сына отец.

– Какой чертовский уют, царит на императорских балах?! – вторил им Аполлоний Луций.

– Какая возможность для роста?.. И какая пропасть, для падения??? – со знанием дела сообщил начальник канцелярии, глядя на парящих юношей, а Максимилиан знал – о чём говорит.

Молодой человек – друг Ардавура – решил откланяться.

– Вы, покидаете бал? – поинтересовался Максимилиан. – Или вас напугала перспектива падения??

– Нет, – вежливо ответил он, без малейшей тени лукавства. – А, я разве куда-то взлетел?

– А перспектива?

– Мне надо поспешить в галерею, – пояснил он. – Там выставлены иллюстрации к моей – готовившейся книге.

– А??? Вы, поэт?..

– Если только, будущий?.. Я так надеюсь??

– Почему будущий? Поэт – это тот, кто пишет??? Если, вы, пишете?.. Значит, поэт!!

– Я бы выразился несколько по иному, – не согласился он. – Поэт – это тот, которого читают и слушают!!

– О!! Да, вы, сама скромность?.. Самокритичность – это хорошо!!

Самокритичный поэт, смущаясь, пожал плечами.

– А не хотели бы, вы, служить императору?? Работая в канцелярии?

– Я не думал над этим вопросом. Но, предложение заманчивое!!

– А как вас зовут?

– Приск, – коротко ответил самокритичный поэт.

– Я вас запомнил, – начальник канцелярии улыбнулся. – Желаю, чтобы ваши работы понравились зрителям, а вы сделали правильный выбор из иллюстраций?.. И не только?..

– Спасибо, – поблагодарил Приск и удалился.

– А говорят в империи нет талантливых римлян, – обратился он к Аспару, но вспомнив, что обидчивый друг иноземного происхождения – решил, не продолжать своей восхваляющей мысли.

Глава 4

Конунг остаётся верен себе

С каждым, очередным добавлением кубка вина, голова Хальва – все больше и больше давала крен. Он принялся икать.

– А, что с твоим приятелем? – поинтересовался базилевс.

– А?.. – не зная, что ответить Локки задумался.

– Он просто не отёсан... Но, даже, если ты не отёсан и глуп? – многозначительно подтвердил «Пройдоха», покачивая указательным пальцем. – Но, стоит тебе, только напиться, и глупости твоей, вроде, как бы и не бывало! Вот, он и ходит – весь пир, точно рехнутый.

Ирвинг продолжал икать, пьяно кивая головой и не понимая, что происходит вокруг.

– Истина в вине, а здоровье в воде, – Локки попытался оправдать пьяные выходки приятеля. – У северных народов нет иммунитета на алкоголь – вот, он и напивается в мгновение ока. Это у него уже четвертое беспамятство за сегодня.

«Пройдоха» подошел к нему и не заметно вдарил под дых – Ирвинг замер, икота прекратилась.

– Расскажи какой-нибудь забавный случай из своей жизни или анекдот, – незаметно для окружающих прошептал ему Локки.

Высокий и нескладный, с обычным простоватым лицом, Ирвинг больше напоминал деревенщину, нежели князя. Пьяно покачиваясь, конунг подошёл к императору и сказал:

– Локки просил меня рассказать забавный случай из моей жизни.

– Bravo! – император счел нужным поддержать Хальва. – Анекдот от двора – друга моего приятеля!! Хальфа Ирвинга!! Господа!..

Свита, окружающая базилевса и все – кто был, неподалеку поспешили на зов императора.

– Хальва!.. – уточнил Ирвинг.

– Прошу прощения! Хальва Ирвинга! – поправил себя император. – Мне при знакомстве послышалось именно так. Извиняюсь.

В грубоватой, веской манере, присущей горьким пьяницам, конунг начал без малейшего возбуждения. Долгое время затворничества сказалось на его речи – она плавала, смысл его слов, трудно улавливался, но он продолжал...

– Ходят по двору две утки. Одна говорит:

– Кря! Кря! – Вторая ей в ответ:

– Кря! Кря! – Первая:

– Ты, что за мной повторяешь? Или дразнишься?..

– И подрались между собой, – пьяно закончил конунг. На него опять напала икота.

Собравшиеся гости думали, что рассказ не окончен и продолжали вежливо ждать. Воцарилось молчание, сквозь тишину было слышно, как цикады в парке выводят свои трели, да набирающая обороты – икота рассказчика.

Множество глаз смотрели на него, вежливо ожидая продолжения рассказа, эти взоры окончательно вывели Ирвинга из равновесия – он взглядом неотесанного верзилы испуганно смотрел, не понимая – чего от него ходят. Хальв, вдруг – не с того ни сего, покраснел и икота, еще более учащенно забила в нём.

– Очень забавный случай, – прервал воцарившееся молчание император и хлопнул в ладони, давая конунгу возможность прийти в себя.

Окружающие поддержали овациями куций рассказ скандинава. Сдавленный смешок покатился по залу, гости не могли сдержать своих улыбок. Единственный кто остался спокоен в восторгах – это Локки. Он ни как не ожидал, такой примитивной шутки от своего приятеля.

– Да?? – рассудил он. – Тебе и в самом деле лучше молчать, – и он протянул ему кубок до краев наполненный вином.

– А, что, у него и в самом деле по двору гуляют утки?? – спросил Феодосий у Локки.

– О!!! Утки??? Утки – это что?! У него и свиньи спят с ним в одной постели!! – и старые приятели весело засмеялись.

– Случай недавно смел, видеть, – «Пройдоха» решил скрасить неудавшийся рассказ конунга.

– Давайте! Давайте! – обрадовался Феодосий. – У вас всегда, такие интересные рассказы получаются!

– Паломник пошёл на Землю Обетованную, – Локки посмотрел на окружающих – он искал глазами патриарха Нестория. – Я извиняюсь, патриарх за столь кошунственный рассказ для ваших ушей, и ещё может быть, для чьих то, – он пробежал глазами по лицам в церковных одеяниях, – но рассказ доподлинный – ни дать ни взять, так что не обессудьте, – и он продолжил:

«Шёл паломник, шел на Святую Землю и наконец, дошёл. Он был уверен. Что выделен Всевышним из лона всей почитающей его братии. Всего Человечества. И не достаёт ему, лишь малого – прийти на Землю Обетованную и тут же снизойдет на него Божья Благодать и причислит его к Лику Святых. Он пришел, сел на горячий песок и стал ждать. День сменила ночь, и наступил новый день. Так дни меняли ночи, а Всевышний не слал ниспослание и вознегодовал тогда сидящий.

– Что за дела??? – вскричал он. – Я уже охренел тут сидевши??

Отборные ругательства и возмущения срывались с языка паломника, и не было им предела, как и остановки его возмутительным речам.

– Я здесь сижу, сижу, а позволения все нет и нет???

В этот самый момент, когда он так гневил Бога, Небо спросило:

– Кто, ТЫ?.. – спросил голос. – Назови имя свое??

Сидящий испугался – какими не хорошими словами он почитал Всевышнего. Он замер и затаившись стал ждать. А Небо продолжало вопрошать.

– Кто, ты?.. – спрашивала Высь. После нескольких предложений назвать свое имя он ответил:

– Я может и охренел, но не двинулся же окончательно.

Не одержимый хохот наполнил зал. Люстра под потолком издала легкое дребезжание янтарными подвесками, и огоньки пламени заколыхались, бросая плавающие тени.

Император повеселел, как и все собравшиеся, только патриарх – сдержанно улыбнулся.

– Удивительная вещь, – произнёс базилевс, всё ещё находясь под впечатлением услышанного рассказа. – Локки, даже слова непристойные в твоих устах принимают литературный оттенок. Я бы даже сказал – «Огонек» и перестают быть пошлыми.

– Не стоит похвалы... Это всего лишь случай из жизни... не более.

– Как быстро летит время? – удивился император. За окнами начинал брезжить рассвет.

– Хорошая беседа укорачивает время.

– Да! Я помню твои визиты к нам с сестрой, когда мы были маленькие. С твоими сказками незаметно наступало утро.

– А няньканье с алкашом расшатывает нервы, – Локки в очередной раз увидел проснувшегося Хальва, пьяно шатающегося по залу.

– А чего он такой суровый? – удивился Феодосий, глядя на включенного конунга.

– Оттого, что час назад он был очень веселый и довольный, а сейчас расплавляется за тот переизбыток радости.

– И как он так умудряется?

– Смесь воды и вина избавляет человека от вредного, – признался Локки, – давая при этом – много полезного! И не нами – это придумано?!!

– Это заповедь?.. Стандарт?!! – согласился с ним басилевс.

– Не так – то просто – соответствовать стандартам приличий, – сказал Локки. – Когда в голове нет – ни малейшего понимания этого самого стандарта и представления о нём?!!

– А, что мешает ему познать эти понимания?

– Обстоятельства!.. Отец вдолбил ему, что они потомки больших и великих династий, но впали в нужду! И, чтобы выбраться из неё – нужно жениться на дочери богатого землевладельца.

– И что из этого?..

– Это подкосило его, не окрепшую психику, и привело, сам видишь к чему?..

– Это не так плачевно, как покажется на первый взгляд?

– Я тоже на это надеюсь?..

Ко всему прочему конунг взялся чесаться. От обильного вино изливания, у него высыпала крапивница.

– Он, что у тебя – не моется? – спросил император.

– Ему должно быть не лень чесаться!?

– Может ему устроить терму?

– Баня ему бы не помешала! – и Барабаш направился вылавливать конунга.

Ирвинг, не видя, Локки – решил, что он улетел. Не желая здесь более оставаться, конунг принялся искать гранату. Увидев её под столом, он оседлал транспортное средство и принялся вертеть чеку. Но куда тянуть кольцо, он не знал, поэтому замер в раздумье, изучая металлический снаряд. Не найдя, каких бы то вразумительных, для себя мыслей, он вновь оседлал гранату и уцепился за чеку, став похожим на ребенка – «скачущего на палочке-лошадке верхом».

Локки, увидев его за этим занятием, закричал, что есть мочи.

– Не тронь кольцо, дурень! Граната без чеки нам совсем не товарищ!!

Понимая, что объяснять пьяному Хальву бесполезно – он в прыжке выбил гранату из рук конунга. Она с грохотом покатилась по залу и затихла под окном в материи кружевных шторм, свисающих до самого пола.

На крик сбегались люди, любопытствовать – что же происходит?? Хотя многие уже знали. Эпицентром событий будет непременно – полуголый товарищ уток или же, его приятель в желтом колпачке. А то и они вместе, похожие друг на друга своей комичной наружностью.

– Ты, чего творишь?

– А, чё... – ещё не протрезвевший конунг смотрел на приятеля выжупленными глазами, не понимая – «Чего от него хотят?»

– Чё... надо делать?

– Тебе ничего делать не надо?.. Надо просто ждать?

– Чего?

– Чего?.. Чего? – возмущался Локки. – Вместо того, чтобы ждать чуда – ты взялся чудить сам? И не в лучшем его направлении.

Император тоже поспешил к месту событий, но не из любопытства – он прекрасно знал – Локки не будет паниковать из-за пустяков, но увидев приятеля уже в прыжке и все последующее, лишь поинтересовался:

– На каких арсеналах отовариваешься?

– Да тут, недалеко... – выдохнул он облегченно.

– Что это?

– Граната... хотел одну «дуру» прихватить – она, как комета такой хвост оставляет. Да часовой проснулся. – сообщил Локки о своих похождениях. – А теперь, я думаю: «Оно даже и к лучшему – зачем нам привлекать лишнее внимание?!

- Мне бы чего-нибудь, прихватил из будущего!
- А тебе зачем, у тебя все грозы Хрисафий разводит!
- Хрисафий, Хрисафием, а это лишним не будет!!

Локки увидел сквозь толпу лысую голову препозита. Он искал кого-то взглядом, но не мог найти.

– У твоего канцлера не лысина, а прямо поляна вытоптанная мыслями. Это он не тебя ищет?

– Вполне может быть?! Должно быть термы готовы, – и они направились в сторону высматривающего визиря.

Хрисафий увидев басилевса, заулыбался, но присутствие, рядом с повелителем Локки – радости в лице евнуха поубавило.

– Серьезно, ты запал в душу Хрисафию, – сказал скиперодержец, имея в виду не симпатию визиря к гостю.

– Всем угод – ни кому непригод, – со знанием дела сообщил Локки.

– Что есть, то есть!

– Надо отдать должное, его вызывающее поведение – должно, только радовать!!

– Это, почему же?

– Виноватый человек и тени своей боится! Пока, за этим такого не водиться – можешь радоваться!

– А, что?.. Такое, может быть??

– Нет!.. Но, знай... это наивернейший способ проверки.

– Откуда, ты, все знаешь? – заулыбался басилевс.

– Чем ближе в контакте, тем лучше читать мысли.

Визирь с любезной улыбкой, присущей только ему, сообщил:

– Ваше Величество, термы готовы!

– Вот! – обрадованно хлопнул в ладони басилевс. – О чем, я и говорил!!

– В контакте с людьми читаешь мысли. А в общении с исполнительными людьми, их предугадываешь, – не выражая восторга, ответил Локки.

– Спасибо, Хрисафий! – поблагодарил император. – Локки, надеюсь, ты, и твой приятель составите нам компанию – под «нам» он имел в виду себя, визиря, остальную свиту и гостей.

– С удовольствием! И, даже, превеликим! – и добавил, более спокойно, – тем более Хальву, это будет очень даже кстати!

Не уточняя, что именно, Локки хотел уже откланяться и пойти на поиски Хальва, опять пропавшего куда-то, как басилевс остановил его.

– У меня к тебе просьба, – не зная, с чего начать Феодосий задумался. – Это скорее не по твоей части – ты, специалист в общении с людьми? Но, всё-таки?.. Хотя, здесь замешана птица?

– Ты, по примеру Хальва, уже – успел завести уток??

– Нет, – император засмеялся, засиял и Хрисафий, продолжающий стоять рядом.

– У меня есть сокол, – продолжил император и подробно рассказал историю, как он подобрал соколенка выпавшего из гнезда. Как он вырос, но не хотел летать, продолжая сидеть на ветке, на которую его посадили изначально.

– Сокол – это не утка?! Отчего же не посмотреть?.. Посмотрю!! Пусть меня Хрисафий или сокольничий отведут к нему.

Глава 5

Каждый гуляет по-своему

Хальв и Локки, прогуливаясь, вошли в одно из очередных помещений.

В большом зале стояло множество больших круглых и вытянутых столов, уставленных яствами и кубками с вином и питьем. Со стен смотрели милые лица муз и ужасающие оскалы воинов в пылу сражений из языческих мифологий.

– Хальв! Не знаю, заметил ты или нет – какое здесь множество красивых и привлекательных женщин!! – восхищаясь, сообщил Локки конунгу. Они сидели на одной из скамеек, расположенных по периметру.

– Не... – замотал головою Ирвинг.

– А куда, ты, смотришь?

– Все они – дуры!

– Да, нет! Зря ты так... дурнушек здесь нет, – Локки задумался, глядя на молодящуюся бабулю, которая беспрестанно преследовала, конунга повсюду. Вот и сейчас, она подслеповатым взглядом искала его в толпе. – Ну, если только, за редким исключением?!!

Барабаш перевел взгляд с крашеной старушки на пьяно-клюющего носом Хальва и заявил:

– А тебе, видно, всё равно, – он, не дожидаясь ответа, встал и вышел в соседнюю залу.

Дворец был переполнен. Кто-то сидел, вдоль стен, кто-то стоял, группами большими и не очень в своих выездных нарядах под сверкающее озарение огней. Несколько дам, собирались в небольшие кружки и о чем то переговаривались. Такие же кружки мужчин располагались поближе к столам.

Время от времени в образовавшихся кружках по интересам, кто-то вытягивал шею, выискивая кого то, и найдя, не извиняясь и не откланиваясь, перебирался к другому скоплению. Как правило, когда кто-то из новеньких, появлялся в уже сформированной компании, восторженные возгласы усиливались, перерастая в неугомонное щебетание и трескотню, но это было, как правило – в кружках дам.

Собравшихся же мужчины, всех без исключения, окружал ареал таинственности и даже неважно о чём они говорили – о вещах банальных или чрезвычайно остроумных. В общем потоке рациональных фраз, именно рациональных – ведь бал использовался ими ещё и как место для получения выгоды и продвижения по карьерной лестнице. Они в разговоре осыпали слушателя вихрем имён, показывая свою значимость, фактами событий, показывая свою осведомлённость – порою совсем не имеющей своей вещественности. Но, ведь, главное заинтересовать и не важно, что эти порхания слов были, в сущности, не более, чем еле уловимая тень – именно тень, ведь – главное соблюсти таинственность и чтобы диковинный образ рассказчика, так и остался не разгаданным.

Один из таких кружков, состоял из евреев. Их терпеливые, не пробиваемые лица приковывали внимание. Казалось, что они и в гневе будут хранить свою степенность. Лишь кое-кто из них, находясь в глубоком состоянии раздумий – покусывали, свои длинные реденькие бородёнки.

Локки искал Пульхерию – она, рано просыпалась и обязательно виделась с Феодосием, перед тем, как отправиться в монастырь.

Проходя мимо бородатеньких мужчин, «Пройдоха» поздоровался, перепутав «шалом» с «салам». Отчего, евреи, как то – очень даже резко встрепенулись, но он не останавливаясь, прошёл мимо, однако покусывания волос и разговоры разом прекратились. Они проводили его длинными, непонятными взглядами.

Глава 6

Августа на балу

Комнаты между собой соединялись множеством дверных проемов, в которые народ входил и выходил, находясь в постоянном движении. В один из таких проёмов вошла Галла Плацидия – ей на церемонии представления императорской четы стало «плохо» – она в толпе людей увидела призрак Атаульфа.

– Атаульф, – пронеслось, у неё в голове. Ей, тут же стало не по себе, и лишь благодаря тому, что она ухватилась за перилла балкона, удержалась на ногах. Голова призрака выделялась над толпой, как каланча, но – это оказался не призрак, а голова Хальва, все стоящие рядом с ним были ему по плечо. Чтобы прийти в себя, она решила покинуть бал. Под предлогом, отвести детей спать, она зашла из зала. Прежде чем вернуться, Плацидия сменила, императорское одеяние, на обычное платье, не бросающееся в глаза.

– Как императрице бал? – спросил её Локки, как только она пересекла дверной проём – попав в ситуацию – «не туда—ни сюда».

– Хорошо, – спокойно ответила августа, не намереваясь входить в долгие объяснения. Желая поскорее скрыться от навязчиво тарасившегося на неё странного типа, она взяла чуть в сторону, чтобы разойтись.

– Я вас не видел, со времен вашей свадьбы!!! – заявил «Пройдоха», желая её явно заинтриговать.

Услышанное, по неволе остановило Галлу.

– Разве, мы встречались?..

– Это имеет значение?

– Оно, как бы предполагает?..

– Вот именно?! Предполагает!!

– Вы, были на моей свадьбе?? – уточнила она.

– Да!.. Довелось...

Плацидия посмотрела на него пристально, пытаясь вспомнить, но ничего похожего в её памяти не отразилось. Ей вновь захотелось избавиться от непонятного типа, только подходящего предлога не находилось, а просто так – без предлога, было как-то – не вежливо – не на высоте, не в её манере – просто отойти – без последнего слова.

– Я, понимаю – у вас было много свадеб?!! – подбодрил несуразный её рассуждения. – Да, вы, и не обязаны помнить всех гостей!

– Это должно быть с того первого венчания? – подумала она, и ей стало не по себе. – Стилихон, тогда звал всех кого не попадя, а она стояла – потупи взор – ни кого не замечая. Это должно быть, кто-то – из тех, его дружков вандалов?

– Стилихон, тут ни при чем, – остановил он ход её рассуждений.

Она вздрогнула, и испугалось. Испугалось не потому, что услышала – это страшное имя, от которого – они с братом роптали в детстве и даже после. Она больше испугалось того, что этот странный тип прочитал её мысли. Лицо её побелело – кровь отхлынула от конечностей, и в глазах потемнело – она была готова упасть.

– Вам нездоровиться? – Локки протянул ей воды, в миг появившейся в его руке чаше, в формы кегли.

– Спасибо, мне уже лучше, – ответила она поникшим голосом.

– Я вас видел на свадьбе – у еле текущего ручья, который вам, быть может, тогда не казался вяло текущим. Тот, что вы нарекли – «Рубикон».

– Да? – Платидия разом посветлела. Она вспомнила – то – ясное, хорошее время, и лицо её озарилось радостной улыбкой. – Но ведь там мы были вдвоем? Если не считать, – она хотела добавить «Вотана», но тип не дал ей договорить...

– И что из того?

– А в прочем, да?.. – произнесла она, и голос её опять поник, но – не так, как прежде.

– Вы, были – так очаровательны, в платье феи из папоротников!!

Галла Платидия улыбнулась – тогда она была счастлива. По мощи и благородству Атаульф у не было равных – в переводе – это имя – так и значилось «Благородный Волк».

– Следующая ваша церемония была более торжественна – на столько, что торжественная ритуальность затмила красоту вашей с Атаульфом любви.

– Да, – согласилась она – лучики воспоминаний, той счастливой поры продолжали будоражить её сознание.

На сегодняшний день у неё был роман с собственной жизнью. Став матерью, она каждый день убеждалась: – «Всё-таки, как интересна жизнь?». Уйдя в замкнутый круг – отгородившись от мира барьерами и предубеждениями, ей не было «не интересно» – скука не касалась ее, скорее потому, что близкие по духу ей люди продолжали находиться рядом и дарить ей радость и позитив. Её собственные мысли и правила не расходились с делом, и это её – радовало. Сейчас, будучи матерью, она забыла о том времени и вот в такой необычной обстановке ей пришлось вспомнить о былом.

– Да! – повторила она, находясь в былых воспоминаниях. – Свадьба в Нарбонне была грандиозна.

«Благородный Волк» решил соединить воедино военную мощь вестготов и былую дань императорского величия. На свадьбе Галла была облачена в императорские регалии – сидела в атрии, украшенной в римских традициях и императорском уборе на голове. Атаульф в царской хламиде и прочих императорских одеяниях.

Родившегося у них сына, Атаульф назвал Феодосием, как символ великого будущего, но он умер в младенчестве и был похоронен в Барселоне – столице вестготов. Вслед за сыном – из мести был убит и сам король, приближенным дружинником. Семь дней кошмара повергли её в шок и унижение. Низвергнутой королеве вестготов пришлось идти в полоне со всеми пленниками, провожая вздорного короля-дружинника за пределы города. Благо власть его была не долгой. Уже новый король поменял её, на здравую меру хлеба и Платидия вернулась в Рим.

После смерти Атаульфа, она решила уйти в монастырь, но – Гонорий настоял, чтобы она вышла замуж за Констанция – его надежного полководца и соратника в борьбе с врагами, как она не противилась, брат был, не умолим. От этого брака у Галлы родились дочь Юта Грата Гонория и сын Платид Валентиниан – в её венах текла кровь не только Флавиев – по матери, она была из рода императоров Валентинианов.

– Спасибо, – чуть слышно вымолвила она. Крупная слеза текла по её щеке, она тут же смахнула её пурпурным платком, появившимся в руке. И добавила. – Время у того ручья было самым счастливым в моей жизни.

– У того столба, ты второй раз подписала приговор одному и тому же лицу.

– Какой приговор?.. – не согласилась она. – Кому? Атаульфу?? Я любила его!! А то роковое стечение обстоятельств, это – в большей мере – фактор его доверчивости, чем моей вины? Я предупреждала его о таившимся коварстве.

– Я не о Атаульфе! – Локки остановил её мысль рассуждений. – Я о Стилихоне!

– О Стилихоне??? – чуть не вскрикнула она.

– Да! О нём.

– Но, при чём здесь – Стилихон?..

– В Сенате твои слова были настолько весомые, что заставили мужей задуматься.

– Это, да! Но, при чём тут свадьба на границе Галлии? – августа не видела логики.

– Ты, думаешь, что душа военного министра успокоилась и замерла на веки? Сейчас??? Не тут то было!!

– А, что с ней случилось?

– Его черствая душа не была принята наверху и продолжала деградировать и деградировать, по скорому, вселяясь в тела разных негодяев. Не найдя ничего более подходящего, она вселилась в тело воришки карманника, промышляющего, как я сегодня выяснил, на базаре лохотроном. Последнее его вселение произошло, лишь аж через четыреста лет в тело слепого бродяги, под личиной – «Беды Достопочтенного» и успокоилась с миром, как я полагаю теперь уже навсегда – в устье Тибра, с видом на купола Святого Петра и Павла.

– Да, – не то, спрашивая, не то, соглашаясь, произнесла Платидия.

– Да! – подтвердил Локки. – Военный министр, который расширил пространство империи от Тигра и Евфрата до Шотландии, от Морей Каспийского и океана Индийского до Атлантического, от Балтийского до Средиземного, включая Северную Африку. Который все собирал и собирал земли в единое целое, а самому то – в сущности, понадобилось всего на всего метр на два, где он и упокоился с миром.

Платидия молчала. Она слушала, странного типа раскрыв рот, не перебивая. Собственная покорность, появившаяся при общении с несурзным человеком, почему то не унижала её. Она чувствовала, теперь, лишь заботу исходившее от него и была она настолько весома, что её не с чем нельзя было сравнить – даже с тем странником у ручья в шляпе и посохом, появившимся в тот миг, когда Атаульф собирал для неё ландыши под увесистой елью.

– Вы, мне напоминаете одного старого знакомого!.. – обрадованно сказала Галла.

– Да?.. И чём же??

– Схожестью образов!

– Да??? – по-настоящему удивился Локки.

– Да!.. Такой же босой... Только он бородатый, без глаза и в шляпе!

– Да?!! – наполняясь тревогой, «Пройдоха» посмотрел на неё. – У, Вас, о нём, я смотрю – хорошие воспоминания?

– Да!! – согласилась августа. – Хотя я первоначально его словам не поверила и не предала большого значения!

– И, что же – он, Вам, предсказал?

– Он уверял, что с Атаульфом, я опережаю время!

– Да??? – Локки наполнился удивлением. – И на сколько?

– На шестьсот пятьдесят лет!

– Что??? – вскричал «Пройдоха» – он пришёл в ужас, от точности попадания, понимая, что это не случайность. – Это было время Елизаветы и Харальда?!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.